

Post-Древняя Русь

Религия и русь XV–XVIII вв.

УДК 94
ББК 63.3(2)
Р31

*Издание осуществлено на средства Германского исторического
института в Москве*

Проект поддержан Фондом Герды Хенкель, AZ 38/F/16

Р31 **Религия и русь, XV–XVIII вв.** / отв. сост. А. В. Доронин;
отв. ред. серии А. В. Доронин. М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 447 с.; ил. – (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

ISBN 978-5-8243-2401-3

Сборник подготовлен в продолжение проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (конец XV – середина XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе». Задачей его варшавской конференции (сентябрь 2018 г.) было инициировать дискуссию вокруг роли религии в истории руси XV–XVIII вв. и становлении ее новых надрегиональных этнокультурных идентичностей.

Сборник продолжает серию публикаций Германского исторического института в Москве «Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени». Он адресован специалистам по восточно- и общеевропейской истории раннего Нового времени, а также всем интересующимся проблемами современного нациогенеза.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2401-3

© Доронин А. В., составление, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Германский исторический институт
в Москве, 2020
© Политическая энциклопедия, 2020

«ОКРЕСТИХЪ РАБА БОЖАГО ЕЖЕФАТА»:
ПРАКТИКА ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ЧЕСТЬ
ИОСАФАТА КУНЦЕВИЧА КАК МАРКЕР
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УНИАТСКОЙ РУСИ
ВКЛ XVII–XVIII вв.

Одним из главных элементов новой русинской конфессиональной идентичности в ВКЛ в XVII в., т. н. *Slavia Unita*¹, стал культ Иосафата Кунцевича. Полоцкий архиепископ (с 1618 г.), правая рука униатского митрополита Киевского, Галицкого и Всея Руси И. Вельямина-Рутского, Иосафат Кунцевич зарекомендовал себя как деятельный сторонник возрождения сильной епископской власти в Церкви. В ходе многочисленных визитаций церковью своей епархии он конфликтовал с братствами крупных городов (Полоцка, Могилева, Орши, Витебска) в вопросах распоряжения имуществом и организации церковной жизни. Энергичное и во многом бескомпромиссное поведение Иосафата Кунцевича, направленное на укрепление епископской власти, вступало в противоречие с интересами аристократии и членов братств, и вызывало неоднозначную реакцию в обществе ВКЛ. Выступления и бунты паствы, не желавшей подчиняться своему епископу, преследовали Иосафата Кунцевича на протяжении почти всей его деятельности и в конце концов привели к трагедии. 12 ноября 1623 г. Иосафат Кунцевич был убит в Витебске своими прихожанами – мещанами греческого обряда.

Громкий резонанс, связанный с убийством архиепископа и его предшествовавшей тому деятельностью, послужил своего рода точкой бифуркации в истории Церкви *ritus graeci* в русских землях ВКЛ. А потому становление культа Кунцевича можно рассматривать как

---

¹ Эта формулировка предложена И. Скочилясом, подробнее см.: *Skochylyas I. Slavia Unita – the Cultural and Religious Model of the Archdiocese of Kiev in the Seventeenth and Eighteenth Centuries (the Discussion on Christian Heritage of the Nations of Eastern Europe) // East-Central Europe in European History: Themes and Debates. Lublin, 2009. P. 243–254.*

один из трансформационных процессов, описанных В. Райнхардом в рамках модели *конфессионализации*, т. е. нормирования кодов конфессионально-религиозного дискурса для обособления от других конфессий на уровне употребляемых понятий и конструкций². Иосафат Кунцевич / его образ епископа-мученика – первый греко-католический *бренд* Речи Посполитой, обретший европейскую известность. В данном случае именно понятие *бренда* как ментальной конструкции, заимствованное из учебников по маркетингу и теории рекламы, как нельзя лучше подходит для описания действий, направленных на популяризацию культа Кунцевича в XVII–XVIII вв.³

Степень его популярности была разной у разных социальных групп. Но как ее измерить? В каких социальных группах этот бренд был более востребован? Как и в каких целях он был инструментализирован? Возможный вариант решения этой исследовательской проблемы подсказали материалы генеральных визитаций униатских церквей ВКЛ XVII в.

На данный момент мною выявлены и обработаны протоколы визитаций 319 церквей за 1680–1698 гг.⁴ По разным подсчетам, это

---

² Reinhard W. Was ist katholische Konfessionalisierung? // Die katholische Konfessionalisierung. Wissenschaftliches Symposium der Gesellschaft zur Herausgabe des Corpus Catholicorum und des Vereins für Reformationsgeschichte / hg. von Wolfgang Reinhard und Heinz Schilling. Gütersloh, 1995. S. 426–427.

³ См. напр.: Gregory J. R. Leveraging the Corporate Brand. Chicago, 1997; D'Alessandro D. F. Brand Warfare. 10 Rules for Building the Killer Brand. New York – Chicago – San Francisco, 2001. Д'Алессандро так определяет *бренд*: это «все, что приходит в голову человеку относительно продукта, когда он видит его логотип или слышит название» (Gregory J. R. Leveraging the Corporate Brand. P. 164). Обязательный его параметр – *узнаваемость* – обеспечивается в данном случае чрезвычайной редкостью имени *Иосафат*, которое после событий в Витебске в 1623 г. стало ассоциироваться исключительно с убитым полоцким архиепископом.

⁴ Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: зборнік дакументаў / уклад. Д. В. Лісейчыкаў. Мн., 2009; Лісейчыкаў Д. В. Інвентар Пінскай кафедральнай саборнай царквы «Святой Прачыстай» 1695 г. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 17. Мн., 2016. С. 235–245; он же. Ад Невеля да Люцына: візіты ўніяцкіх цэркваў Полацкай пратапопіі 1684 г. // Архіварыус: зб. навуковых паведамл. і арт. Вып. 15 / рэдкал.: В. Ф. Голубеў [і інш.]. Мн., 2017. С. 141–147; Он же. Звон з Каложы і падсвечнікі з Караяўца: візіты ўніяцкіх цэркваў Гродзенскай пратапопіі 1696 г. // Архіварыус: зб. навуковых паведамл. і арт. Вып. 16 / рэдкал.: В.Ф.Голубеў [і інш.] Мн., 2018. С. 65–100; Генеральная візіта царквы ў г. Лідзе Лідскага павета ад 18.06.1681 (копія 30.07.1817) // Архіў Мінскай духоўнай Акадэміі і Семінарыі (в. Жыровічы Слонімскага р-на Гродзенскай вобл.). Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 117; Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі

от четверти до трети всех действовавших в то время на территории ВКЛ приходов – как униатских, так и православных. В каждом протоколе указано имя действующего священника, в некоторых дополнительно – имя предыдущего священника, священника-викария или же имена сыновей священников. В целом удалось собрать сведения об именах ок. 400 представителей униатского приходского духовенства ВКЛ последней четверти XVII в. Казалось бы, имя Иосафат должно было получить распространение в первую очередь в этой социальной группе. Однако среди 400 представителей белого униатского духовенства не оказалось ни одного его носителя. Значит, имя Иосафат прижилось поначалу в других социальных группах?

В XVII в. одним из проявлений конфессионализации стало формирование различных традиций имянаречения. Например, в протестантской среде Западной Европы того времени часто звучали ветхозаветные имена – Авраам, Исаак, Сара и пр.⁵ Имена-маркеры позволяют довольно точно определить протестантов в тогдашних письменных источниках. Редкое и запоминающееся имя Иосафат стало таким же именем-маркером в среде униатского русинского населения ВКЛ: речь точно не шла о православном (дизуните, схизматике)⁶.

Само имя Иосафат, конечно, было известно задолго до убийства Кунцевича хотя бы благодаря многочисленным изданиям *“Catalogus sanctorum et gestorum eorum”* Петра де Наталибуса⁷ (последнее увидело свет в 1616 г.) и сводного каталога католических святых

(далее – НГАБ). Ф. 136. Воп. 1. Спр. 42042. Генеральныя візіты цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў (Бабруйскай, Барысаўскай, Блонскай, Даўгінаўскай, Ігуменскай, Клецкай, Лагойскай, Мінскай, Мядзельскай, Навагрудскай, Нясвіжскай, Пухавіцкай і Цырынскай прапапопій). 1680–1682 гг.; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 823. Оп. 3. Д. 409. Генеральные визиты церквей Полоцкой протопопии (фрагмент). 1684 г.; РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 420. Генеральные визиты церквей Волковысской, Гродненской, Клецкой, Несвижской, Слонимской и Цыринской протопопий. 1696–1697 гг.; Візіта царквы ў в. Моладава Пінскага павета. 10.05.1698 (опубл.: *Лісейчыкаў Д. В.* Генеральныя візітацыі цэркваў Пінска-Тураўскай уніяцкай епархіі ў XVII–XVIII стст. // *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* № 1. С. 25–32.

⁵ *Houdaille J.* Les prénoms des protestants au XVIIe siècle // *Population.* 1996. Nr. 3. P. 775–778.

⁶ В то же время в православной традиции имянаречения использовали другую форму этого имени – *Иоасаф*. *Иосафат* стало ассоциироваться именно с унией и Униатской Церковью.

⁷ *Catalogus sanctorum et gestorum eorum ex diversis voluminibus collectus editus a reverendissimo in Christo patre domino Petro de Natalibus de Venetiis Dei gratia episcopo Equilino.* Vicenza, 1493.

“*Martyrologium Romanum*”⁸ (первое издание – 1583 г.). Но после событий в Витебске оно стало ассоциироваться именно с полоцким архиепископом.

Чтобы установить с какого времени и в каких социальных группах ВКЛ стала распространяться в XVII в. практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича, обратимся к археографическим изданиям XIX – нач. XX в.⁹, а также актовым книгам судебных учреждений ВКЛ XVII в., которые хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси¹⁰.

Я выявил около двух десятков носителей имени Иосафат во второй пол. XVII в. (за первую половину ни одного случая). Их можно разделить на две четко очерченные группы: монахи-базилиане (большинство) и представители средней и крупной шляхты. Эти данные коррелируют с результатами исследований Ш. Родевальда¹¹, первым обратившего внимание на две группы продвижения культа Кунцевича. Первая – собственно униатская иерархия (в нашем случае это базилиане), которая с помощью нового культа стремилась подчеркнуть самостоятельность своей конфессии. Вторая – магнатские круги Речи Посполитой и римо-католическая иерархия, использовавшие бренд «*Иосафат*» с целью государственно-политической и универсальной католической интеграции. В то время как первая группа утверждала собственно русинскую этноконфессиональную программу, вторая была заинтересована не только в укреплении конфессиональной общекатолической идентичности, но и конкретной государственно-политической.

Примечательно, что сразу после беатификации Кунцевича в сер. 1640-х гг. в смысловом наполнении бренда «*Иосафат*» использовали уже готовые образы, связанные с этим именем. В частности, образ

---

⁸ *Martyrologium Romanum ad novam calendarii rationem, et ecclesiasticae historiae veritatem restitutum*. Roma, 1583.

⁹ АВАК. Т. I–XVIII, XX–XXXVI, XXVIII–XXXIX. Вильно, 1865–1915; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа (далее – АСДСЗР). Т. 1–14. Вильно, 1867–1904.

¹⁰ В настоящее время сотрудниками Отдела древних актов Национального исторического архива Беларуси тематически подокументно разработано 25 актовых книг судебных учреждений и магистратов ВКЛ XVII в. (Браславского, Брестского, Витебского, Гродненского, Минского, Могилевского, Пинского, Полоцкого, Слонимского).

¹¹ *Rohdewald S. Medium unierter konfessioneller Identität oder polnisch-ruthenischer Einigung? Die Verehrung Josafat Kuncevyčs im 17. Jahrhundert // Kommunikation durch symbolische Akte. Religiöse Heterogenität und politische Herrschaft in Polen-Litauen*. Stuttgart, 2010. S. 271–290.

ветхозаветного иудейского царя Иосафата, прославившегося военными победами; при нем Иудея вышла на пик своего могущества. А также благочестивого индийского царевича Иосафата (Иоасафа) из известного романа-жития «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Кунцевич представлял праведным воителем за веру и, подобно индийскому царевичу, обратившемуся в веру истинную, подавал пример заблудшим душам. Именно на эти две составляющие образа Кунцевича обратили особое внимание уже во время проведения первых празднеств в его честь в Вильно в 1643 г.¹² Считалось, что обращение ректора Полоцкого иезуитского коллегіума С. Косинского к заступничеству Кунцевича помогло предотвратить в 1627 г. вторжение в город шведских войск в ходе очередной войны Речи Посполитой с северным соседом¹³, а в 1633 г. помогло гарнизону Полоцка выдержать осаду московских войск в Смоленскую войну 1632–1634 гг.¹⁴ А самым заметным проявлением второй ипостаси Кунцевича стал переход в унию полоцкого православного архиепископа Мелетия Смотрицкого в 1627 г.¹⁵

Попытаемся выяснить, кому, когда и в связи с чем пришла в голову мысль использовать для продвижения культа Кунцевича практику имянаречения? Поскольку метрических книг греко- и римо-католических церквей за XVII в. сохранилось крайне мало, используем другие источники. В итоге ряд базилианских помянников¹⁶ последней

¹² *Lituanicarum Societatis Jesu historiarum libri decem. Auctore Stanislaw Rostowski, recognoscente Joanne Martinov, ejusdem societatis presbyteris. Parisiis – Bruxellis, 1877. P. 332.*

¹³ S. Josaphat Hieromartyr. *Documenta romana beatificationis et canonizationis / collegit P. Athanasius G. Welykyj. Analecta O.S.B.M. Series II. Sectio III. Vol. I. Romae, 1952. P. 148; Frost R. I. The Northern Wars. New York, 2000. P. 331.*

¹⁴ *Rohdewald S. Medium unierter konfessioneller Identität oder polnisch-ruthenischer Einigung? S. 282.*

¹⁵ *Epistolae Josephi Velamin Rutskyj, metropolitae kiovensis catholici (1613–1637) / collegerunt adnotationibus illustrarunt et introductione auxerunt R. P. Theodosius T. Haluščynskij, P. Athanasius G. Welykyj, ordinis S. Basilii Magni. Romae, 1956. P. 195.* Митрополит И. Вельямин-Рутский особо отмечает, что принятие унии М. Смотрицким случилось ко «Славе Божьей и крови этого мученика Иосафата».

¹⁶ Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (далее – СПбИИ РАН). Архив. Ф. 52. Оп. 1. Д. 324, 363: *Dyptychi abo Pominnik wyrażajacy smiertelności ludzkiej obraz. 1686–1721 гг. (имеются более поздние дополнения вплоть до 1730-х гг.); Балик Б. I. «Катафальк чернечий» василіян XVII–XVIII ст. (Рукописна збірка життєписів Василяян) // Analecta O.S.B.M. Series II. Sectio II. Vol. VIII. Romae, 1973. P. 67–98; Vol. XII. Romae, 1985. P. 269–310.*

четверти XVII – первой трети XVIII в. помог установить личность первого после Кунцевича базилианина с именем Иосафат. Им оказался выходец из виленских мещан, экзорцист и чудотворец Иосафат Бражиц (Бражич) (ил. 1). Точной даты пострижения Бражица в помянниках мы не находим, однако в них говорится о его борьбе с чумой в Минске в 1654–1655 гг. (себя он называет недавно посвященным)¹⁷. Значит, принятие им монашеского имени Иосафат произошло в 1652/1653 г.¹⁸ По всей видимости, случайностью это не было – новопосвященный хотел тем самым акцентировать свою принадлежность к Униатской Церкви, ведь известно, что род виленских мещан Бражичей в конце 1640-х – 1650-е гг. исповедовал православие¹⁹. А самым ранним примером наречения именем Иосафат светского лица является, насколько можно судить по дошедшим до нас источникам, минский (позже брестский) воевода Владислав-Иосафат Сапега, родившийся 5 ноября 1652 г. в м. Коссово Слонимского повета в семье литовского крайчего Криштофа-Франтишка Сапеги²⁰.

Вероятно, в 1651–1652 гг. в жизни Речи Посполитой произошло какое-то значимое событие, неким образом связанное с именем Кунцевича, придавшее импульс практике имянаречения в его честь представителей разных социальных групп.

С катастрофическим для Речи Посполитой началом казацко-крестьянской войны в 1648–1649 гг. возрос интерес к чудесам, приписываемым Кунцевичу, как то защита Полоцка от шведов в 1627 г. и от московитов в 1633 г. В кон. 1640-х гг. широкую известность обрела икона Жировичской Божьей Матери, культ которой Кунцевич активно пропагандировал при жизни. В январе 1651 г. поклониться ей в Жировичский монастырь приезжал сам король Ян Казимир. Он просил у

¹⁷ СПбИИ РАН. Архив. Ф. 52. Оп. 1. Д. 363. Л. 5 – 5 об.

¹⁸ Имеются сведения еще об одном носителе этого имени в базилианской среде нач. 1650-х гг. В 1653 г. настоятелем Жировичского монастыря стал базилианин Иосафат Дубенецкий (см., напр., его описание чудес Жировичской иконы: [Dubieniecki I.] *Historia de imagine V. V. Mariae Żyrowicensi*. Wilno, 1653). Однако дату его пострижения в монахи выявить не удалось. Вероятно, это произошло в 1651–1652 гг. В 1652 г. Иосафат Дубенецкий еще не был жировичским настоятелем, в то время эту должность занимал базилианин Константин Витопольский, см.: АСДСЗР. Т. 12. Вильно, 1900. С. 51.

¹⁹ Frick D. A. *Kith, Kin, and Neighbors. Communities and Confessions in Seventeenth-century Wilno*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013. P. 304, 314.

²⁰ Rachuba A. *Sapieha Władysław Jozafat (Józefat) h. Lis* // *Polski słownik biograficzny*. Т. XXXV. Warszawa – Kraków, 1994. S. 156–158.

иконы заступничества перед походом на Берестечко²¹. Своего рода куратором этого паломничества выступил литовский подканцлер Казимир-Лев Сапега²², на то время один из самых активных среди магнатов популяризаторов культа Кунцевича и Жировичской иконы Божьей Матери. В кон. 1620-х гг. он пожертвовал огромные деньги на изготовление серебряного саркофага Кунцевича, а в 1636 г. записал на содержание неугасимой лампы перед Жировичской иконой Божьей Матери часть своего имения Шиловичи в Слонимском повете. По всей видимости, именно в знак благодарности за одержанную летом 1651 г. победу над казаками и татарами под Берестечком Жировичи получили в 1652 г. от короля Яна Казимира привилей на магдебургское право. Эти события были увековечены в геральдике Жировичей.

Учитывая сказанное выше, совершенно по-новому прочитывается герб Жировичей (ил. 2). В его композицию входит образ Кунцевича как святого, благословляющего коленопреклоненного Яна Казимира иконой Жировичской Божьей Матери. Предыдущие варианты интерпретации композиции герба, предложенные А. Титовым и Э. Римшей, выглядят неубедительно²³. Ведь именно с важной для Речи Посполитой победой под Берестечком, соответственно, с па-

---

²¹ О культе иконы Жировичской Божьей Матери в ВКЛ см. подробнее: Саганович Г. Н. Жировичская икона Богоматери как «место памяти» руси ВКЛ в XVI–XVIII вв. // «Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в. (= Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени. Кн. 4) / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М., 2019. С. 149–168.

²² *Rachuba A. Sapieha Kazimierz Leon h. Lis. S. 34; Chomik P. Kult ikon Matki Bożej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVIII wieku. Białystok, 2003. S. 60–74.*

²³ «В голубом поле изображение двух мужских фигур: правая стоит на коленях левая держит в вытянутых руках книгу [крещение?]», см.: Цітоў А. Геральдыка беларускіх местаў. Мн., 1998. С. 162. «В изображении помещена сцена крещения Святого Иоанна, под коленопреклоненным – крест с хоругвью», см.: *Rimša E. Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego. Warszawa, 2007. S. 1177.* Описание сюжета герба Жировичей, внесенное в Государственный геральдический регистр Республики Беларусь (25.07.2014 Б-217), также является неполным и неточным: «Барочный щит, в голубом поле которого изображены две мужские фигуры: правая в белых одеждах, стоящая на коленях, левая в черной одежде с нимбом над головой, держащая в протянутых руках книгу. В нижней части герба изображен золотой меч». Сохранившиеся фрагменты оттисков городских печатей Жировичей сер. XVIII в. вместе с установленным сюжетом дают возможность утверждать, что коленопреклоненная фигура (король Ян Казимир) должна быть облачена в доспехи (а не в белые одежды), руки святого (Иосафата) должны быть расположены поверх головы короля, в руках святого – икона Жировичской Божьей Матери (а не книга), в нижней части герба – меч и еще

ломничеством короля в Жировичи и заступничеством Кунцевича связано наречение Криштофом-Франтишком Сапегой, активнейшим участником битвы, новорожденного сына именем Владислав-Иосафат. Эти же «чудесные» события подвигли молодого базилианского новиция Бражица избрать при пострижении в монахи имя Иосафат. Но возникает вопрос – какая из двух групп, светская знать или церковные иерархи, была главным двигателем этой новой традиции имянаречения? Это больше униатская или католическая инициатива? Или инициатива государственная?

Ответ на этот вопрос может дать география распространения имени Иосафат во второй пол. XVII в. Если у базилиан эта практика коснулась практически всех монастырей Литовской провинции²⁴, то в среде светской шляхты – территории Полоцкого воеводства либо Слонимского повета. В Слонимском повете два важных места, связанных с деятельностью Кунцевича: монастыри в Жировичах и Бытени, им же в свое время и основанные. В Бытени действовал единственный в XVII в. на территории ВКЛ базилианский новициат, учрежденный самим Кунцевичем. В нем монахи получали новые имена, отсюда разъезжались по всей провинции. В Полоцке было больше мест, напоминавших о Кунцевиче. Поэтому его имя здесь было особенно популярно во второй пол. XVII в.

В 1676–1682 гг. в довольно немногочисленном послевоенном Полоцке проживали пять Иосафатов: трое светских – вице-наместник полоцкого гродского суда Ян-Иосафат Мацкевич, регент канцелярии полоцкого гродского суда Ян-Иосафат Олехнович и полоцкий стольник Иосафат Невельский, (даже примерные годы их рождения, к сожалению, неизвестны²⁵) и двое духовных лиц – монахи-базилиане Иосафат Бражиц и Иосафат Михневич²⁶. То есть именно бази-

---

один предмет (возможно, щит или хоругвь), за спиной святого – эмблема базилианского ордена (неопалимая купина).

²⁴ К Литовской провинции ордена относились все монастыри на территории ВКЛ, а также Волыни, Подляшья и Курляндии.

²⁵ Многие носители имени Иосафат во второй пол. XVII в. получали его не при крещении, а при миропомазании (конфирмации), часто в довольно зрелом возрасте. Похожая картина наблюдалась в XIX в. на территории белорусско-литовских губерний Российской империи с именем Наполеон. Большинство носителей этого имени 1810-х гг. рождения получили его при конфирмации в 1830-е гг. – в период всплеска наполеонomanии в искусстве и литературе после поражения восстания 1830–1831 гг. (см.: *Лісейчыкаў Д. В.* «З Напалеонам Бог, а Напалеон з намі!»: папулярнасць імя французскага імператара на землях былога Вялікага Княства Літоўскага ў XIX стагоддзі // *Беларускі гістарычны часопіс.* № 7. 2019. С. 21–28.)

²⁶ НГАБ. Ф. 1823. Воп. 2. Спр. 3. Актовая книга Полоцкого магистрата 1676 г.; Спр. 4. Актовая книга Полоцкого магистрата 1682 г.

лиане и базилианские центры в Бытени, Жировичах и Полоцке во второй пол. XVII в. являлись главными поборниками имянаречения в честь Иосафата Кунцевича.

В начале 1650-х гг. имя Иосафат было элитарным. Оно налагало некие моральные обязательства на нареченных им монахов. Тот же Иосафат Бражиц стремился походить на своего небесного патрона: активно участвовал в распространении унии, основывал монастыри, популяризировал чудотворные иконы, а к концу жизни фактически обрел статус местночтимого святого²⁷. А настоятель православного монастыря в Евье некто Минкевич, выходец из виленских мещан, после принятия унии также взял себе новое имя – Иосафат²⁸.

Практически с каждым носителем этого имени в базилианской среде второй пол. XVII в. связана особая история. Например, из Пармского герцогства в Бытень в 1686 г. прибыл представитель знатного итальянского рода Паллавичини (родственник нунция при дворе короля Яна III Собесского) с целью вступить в базилианский орден. В монашестве он тоже стал Иосафатом, правда, неизвестно, получил ли он это имя непосредственно в Бытени или же еще в Парме (до перехода к базилианам он был монахом-капуцином)²⁹. А в 1697 г. появился первый носитель имени Иосафат среди униатского епископата. Им стал смоленский архиепископ Иосафат Гуторович³⁰. Вообще, к кон. XVII в. имя Иосафат стало весьма распространенным среди униатских иерархов, чуть менее – у средней и крупной шляхты.

С какого же времени оно стало утрачивать ореол элитарности и разошлось по другим, более многочисленным, социальным группам? С этой целью я проанализировал просопографические данные ок. 5000 представителей белого униатского духовенства ВКЛ кон. XVII – XVIII в.³¹ Среди них выявлено 48 носителей имени Иосафат (см. диаграмму). Безусловно, белое духовенство также относилось к привилегированным слоям общества. Однако в отличие от римокатолических греко-католические (униатские) священники в конце

²⁷ *Балик Б. І.* «Катафальк чернечий» василян XVII–XVIII ст. Series II. Sectio II. Vol. VIII. Romae, 1973. P. 96; *Wiara Prawosławna, Pismem Świętym, soborami, oycami świętymi, mianowicie greckemi, u Historyą Kościelną przez x. Iana Alojzego Kuleszę, Societatis Iesu theologa, obiasniona.* Wilno, 1704. S. 319.

²⁸ *Балик Б. І.* «Катафальк чернечий» василян XVII–XVIII ст. Series II. Sectio II. Vol. XII. Romae, 1985. P. 276–277; *Frick D. A.* Kith, Kin, and Neighbors. P. 240.

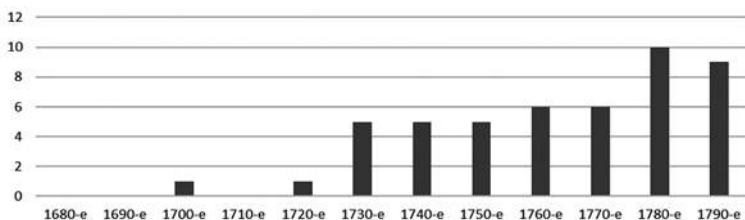
²⁹ СПбИИ РАН. Архив. Ф. 52. Оп. 1. Д. 363. Л. 11 об. – 12.

³⁰ *Wereda D.* Biskupi unickiej metropolii kijowskiej w XVIII wieku. Siedlce – Lublin, 2013. S. 340.

³¹ *Лісейчыкаў Д. В.* Святар у беларускім соцыуме: праспапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. Мн., 2015.

XVII – XVIII в. стали восприниматься как почти исключительно сельское духовенство, подавляющее большинство их паствы составляли простолюдины – крестьяне и жители небольших местечек. А большинство шляхты греческого обряда на территории ВКЛ постепенно перешло в латинский обряд.

Годы рождения мальчиков с именем *Иосафат*
в семьях приходского униатского духовенства ВКЛ XVII–XVIII вв.

Важно установить дату рождения самого старшего носителя имени Иосафат в этой группе белого духовенства. Тогда ее можно будет связать с началом нового этапа в традиции имянаречения – распространением на представителей более многочисленных социальных групп.

Самым старшим носителем имени Иосафат оказался священник церкви м. Дубровы Минского повета Иосафат Марциневский³². Точная дата его рождения в документах не указана, но мы знаем, что он принадлежал к местной духовной династии и был рукоположен в сан митрополитом Афанасием Шептицким 23 августа 1729 г. (3 сентября по григорианскому календарю). (Наследников духовных династий, как правило, рукополагали в сан по достижении ими возрастного ценза, в то время – 24 лет³³.) Вероятно, Иосафат Марциневский родился в 1705 г.

Случилось ли в то время какое-либо резонансное событие в жизни униатов ВКЛ, которое могло бы напомнить об убитом полоцком архиепископе и повлиять на рост популярности имени Иосафат не

³² Там же. С. 370; РГИА. Ф. 823. Оп. 3. Д. 539: Генеральные визиты церквей Блонского, Игуменского, Логойского и Минского деканатов. 1743 г. Л. 14.

³³ Собрание припадковъ краткое, и духовнымъ особомъ потребное. Имущее в себѣ Науку о Сакраментахъ, о десати Божіихъ Приказанахъ, о Приказанахъ Церковныхъ, и о Науцѣ Христіанской, съ выкладомъ Символа или Исповѣданія Вѣры Православныя Каѳолическіа, съ выкладомъ Молитвы: Отче нашъ: и Богородице Дево: Такожде Науку, како подобаеть наставлати малыхъ или невѣжовъ в Вѣры Православной, содержащее. Супрасль, 1722. С. 54 об.

только среди духовных и светских элит, но и обывателей? Да, такое событие действительно тогда произошло.

30 июня (11 июля по григорианскому календарю) 1705 г. в Полоцком кафедральном Софийском соборе российский царь Петр I и его свита убили нескольких монахов-базилиан. Руководство ордена использовало это как информационный повод, чтобы громко заявить о своей Церкви. По всей Европе получила распространение подготовленная базилианами и известная в разных вариантах «История об убийстве базилиан»³⁴.

Основным поводом для царского гнева в этой Истории подан сам Иосафат Кунцевич. Униатские и православные источники почти со стенографической точностью воспроизводят диалог Петра I с базилианином Константином Заянчковским у алтаря св. Иосафата в Софийском соборе. Но в нем можно разглядеть некоторые различия.

Вариант «Истории об убийстве базилиан»*
(автор – униат):

- Какой онъ с[вя]ты?
- Священномученикъ.
- Кто его умучил?
- Witeblanie.

- Що за люди?
- Szlachta y mieszczenie.
- Какой веры?

[Zamiłk na to pytanie xiądz].

- Сказуй же какой веры!
- Той веры, що и твоя милость.

Вариант «Могилевской хроники»**
(автор – православный):

- Kakoy su eta swiatoy?
- S[więty] męczęnik Jozefat.
- Da chto su iewo zamuczyl?
- [Rzekł kaznodzieja, że] zamęczyła syzma przekłęta.
- Da chto su to syzma?
- Syzmatycy przekłęci.
- Da kak ony wieriat?

- Tak wierzą, iak wy wierzycie.

* СПбИИ РАН. Архив. Ф. 52. Оп. 1. Д. 324. Л. 107.

** Магілёўская хроніка Т. Сурты і Ю. Трубіцкага // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час / уклад. В. А. Варонін. 2-е выд. Смаленск, 2013. С. 657.

Именно после последних слов якобы и произошла расправа. Чуть позже был взорван и главный кафедральный храм Полоцкой епархии – Софийский собор.

³⁴ Наиболее полное собрание документов, описывающих события 11 июля 1705 г. в Полоцке, опубликовано в: Полацкія пакутнікі: Збор дакументаў / уклад. й апрац. М. Баўтовіча. Полацк, 2000.

Стоит обратить внимание на то, как униатский автор нач. XVIII в. называет убийц архиепископа. Преступление совершили хоть и не единоверцы, как это воспринималось бы, по всей видимости, в 1623 г., но некие условные *свои*. Это такие *свои*, которые исповедуют ту же веру, что и российский царь. А в трактовке православных хронистов сторонники Иосафата это те, кто считает приверженцев православия схизматиками. Для нас же этот диалог интересен тем, что он в краткой форме воспроизводит всю последовательность ассоциаций, возникающую у человека нач. XVIII в. при имени Иосафат. Именно так в случае с имянаречением и работает механизм активации бренда. Притом мы видим, какие ассоциации оно вызывает у русинских униатских авторов, а какие – у русинских неуниатских.

Конечно, на рост популярности Кунцевича повлиял целый ряд событий кон. XVII – нач. XVIII в. Во-первых, присоединение к униии целых епархий – Перемышльской (1691), Львовской (1700), Луцкой (1702). (А с именем Кунцевича, как мы помним, связывали заботу о заблудших душах.) Во-вторых, проведение масштабного собора Униатской Церкви в Замостье в 1720 г., где были унифицированы униатская обрядность и делопроизводство, и, кроме прочего, почитание святых. Но именно трагические события в Полоцке в 1705 г. дали толчок новому этапу имянаречения в честь Кунцевича.

На протяжении XVIII в. популярность имени Иосафат только росла, притом стремительно. С 1720-х гг. довольно хорошо сохранились метрические книги униатских церквей центральных и южных земель ВКЛ. Я подробно изучил эти книги и исповедные ведомости 93 церквей региона³⁵ и на этом основании могу выделить несколько этапов по частоте упоминания имени Иосафат (и его женского варианта Иосафата). В частности,

– 1730-е гг. – начало имянаречения в честь Иосафата Кунцевича мещан и крестьян / прихожан церквей базилианских монастырей;

– 1750-е гг. – начало распространения имени Иосафат среди прихожан сельских церквей.

Известно, что в XVIII в. метрические книги при униатских церквях ВКЛ велись и по-«руськи», и по-польски, причем традиция ведения книг на «руськой мове» с каждым десятилетием все угасала. В одном из своих исследований я попытался локализовать регионы раз-

---

³⁵ НГАБ. Ф. 136. Воп. 13. Спр. 306, 643–647, 651–652, 781, 783–786, 789–791, 794–798, 800–801, 803–807, 809а, 810, 812–817, 820, 822–824, 827–829, 8586, 1040, 1064–1065, 1067–1071, 1073–1076, 1078–1079, 1081–1085, 1088–1089, 1091–1097, 1099–1101, 1103–1104, 1106, 1108, 1113, 1116–1118, 1127, 1293–1294, 1296, 1298–1300, 1303–1306, 1316, 1392–1394, 1425, 1429–1432, 1434, 1436, 1438–1442, 1478–1480, 1482, 1483а; Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1186.

ной интенсивности использования этих двух языков в униатском делопроизводстве³⁶. Если совместить полученные результаты (ил. 3) с частотой упоминания имени Иосафат в метрических книгах, то можно увидеть еще одну особенность. В польскоязычных книгах количество носителей этого имени очень велико – речь идет о нескольких сотнях таких случаев. В книгах же, которые вели на «русской мове», упоминания Иосафатов единичны, а в некоторых приходах не встречаются ни разу на протяжении десятилетий вплоть до кон. XVIII в. То есть традиция имянаречения новорожденных в честь Кунцевича в XVIII в. активно бытовала в тех сельских униатских приходах ВКЛ, делопроизводство которых уже перешло на польский язык³⁷.

Неудивительно, что священники, носившие имя Иосафат, в два-три раза чаще нарекали этим именем новорожденных в своих приходах. Это еще одно проявление того, что в теории рекламы называется активацией бренда. Выходя за рамки рассматриваемого в статье хронологического периода, стоит отметить, что даже после официального упразднения Униатской Церкви в землях бывшего ВКЛ в 1839 г., когда были заменены богослужебные книги, в которых встречалось имя Иосафата Кунцевича, традиция имянаречения в его честь была жива еще на протяжении полувека³⁸. Дольше всего в приходах священников, носивших имя Иосафат.

Таким образом, в формировании униатской русинской этноконфессиональной идентичности ВКЛ в XVII–XVIII вв. культ Иосафата Кунцевича сыграл одну из главных ролей. Практика имянаречения в его честь является одним из наиболее заметных проявлений этой самоидентификации на бытовом уровне среди разных социальных групп.

Частота такого имянаречения хорошо поддается подсчетам, что позволяет проследить динамику популярности этого имени как в

---

³⁶ Лисейчыкаў Д. В. «Азь, іерей...»: «руская» мова метрычных кніг уніяцкіх цэркваў Вялікага Княства Літоўскага ў XVII–XVIII стагоддзях // Київська Академія. Вып. 13. К., 2016. С. 109–172.

³⁷ В первой четверти XVII в. в своих полемических произведениях сторонники унии чаще прибегали к русской мове, противники унии – к польскому языку. Поскольку главным их адресатом была оппонировавшая сторона, можно сделать вывод, что в письменной культуре сторонников унии в начале XVII в. польский язык был значительно более распространен, чем среди ее противников (см., напр.: *Саверчанка I. Aurea mediocritas*. Книжна-письмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока. Мн., 1998). Однако в первые десятилетия XVII в. эта тенденция еще не была ярко выраженной.

³⁸ Здесь имеется в виду исключительно традиция имянаречения в бывшей униатской среде. Традиция имянаречения в честь Иосафата Кунцевича в среде римо-католиков не прекращалась.

системе социальных координат, так и в хронологической перспективе. С самого начала имя Иосафат было востребовано только в среде монахов-базилиан, с сер. XVII в. начало распространяться среди магнатов и шляхты (в т. ч. римско-католического исповедания), а в нач. XVIII в. первые носители имени Иосафат появились в семьях белого униатского духовенства, с 1730-х гг. им стали нарекать новорожденных мещане и крестьяне базилианских приходов, с 1750-х гг. – также прихожане рядовых сельских церквей.

На основе подсчетов частоты имянаречения удалось выделить как минимум два ярких резонансных события в жизни ВКЛ, связанных с культом Кунцевича. Это битва под Берестечком 1651 г. и убийство монахов-базилиан в Полоцке в 1705 г. Они стали поворотными событиями, существенно повлиявшими на восприятие руси униатской в целом и образа Иосафата Кунцевича, в частности, в массовом сознании жителей ВКЛ, шире – Речи Посполитой.

Имянаречение служило в т. ч. маркером, по которому русь униатская и русь неуниатская распознавали *своих* и *чужих* не только в конфессиональном отношении. Имя Иосафат получило распространение именно в тех социальных группах, которые были лояльны королю, Речи Посполитой. Таким образом, имя Иосафат стало еще и свидетельством углубления интеграции в социум Речи Посполитой известной части руси. Неслучайно в XVIII в. на массовом уровне имя полоцкого священномученика обрело популярность почти исключительно в тех униатских приходах ВКЛ, в письменной культуре и делопроизводстве которых преобладал польский язык.

Лисейчиков Д. В. (Минск, Беларусь). «Окрестить раба Божяго Ежефата»: практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации униатской руси ВКЛ XVII–XVIII вв.	256
Саганович Г. Н. (Минск, Беларусь / Варшава, Польша). Конфессиональная конфронтация и локальные сообщества в восточнославянских землях Великого княжества Литовского в конце XVI – первой пол. XVIII в.	270
Ткачук В. А. (Киев, Украина). «Руская вера» кон. XVI – первой пол. XVII в.	291
Синкевич Н. А. (Мюнхен, Германия). «Дивен Бог во святых своих»: культ святых в полемике «Руси с Русью» в Речи Посполитой	312
Страдомски Ян (Краков, Польша). Спор «Руси с Русью» о церковной схизме в религиозной полемике Речи Посполитой XVI–XVII вв. . . .	341
Сиренов А. В. (Санкт-Петербург, Россия). «Святая Русь»: сакрализация отечественного прошлого и русских земель в культуре Московской Руси XVI–XVIII вв.	352
Стефанович П. С. (Москва, Россия). Русь протопопы Аввакума: от «нового Израиля» к «духовному братству»	369
Одесский М. П. (Москва, Россия). Репрезентация России в панегирической драме петровской эпохи, 1724–1725 гг.: <i>imperio vs confessio</i>	390
Доронин А. В. (Москва, Россия). Народы Страшного суда в иконописи руси (реплика-размышление)	413
Об авторах.	442